

18+

Мария де Сад

ПЛЕННИЦА

закрытого клуба

Мария де Сад
Пленница закрытого клуба

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Мария де Сад

Пленница закрытого клуба / Мария де Сад — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-96670-3

Моя жизнь сделала крутой поворот: я оказалась в плену. Меня отвезли в какой-то закрытый клуб, где богатые извращенцы воплощают свои грязные фантазии. У таких, как я, здесь нет никаких прав. Нас пытаются, насилуют и убивают. Чтобы выжить и не сойти с ума, нужно каждый день иметь надежду на спасение. И я готова на все - даже на убийство своих обидчиков, лишь бы спастись из этого жуткого места. Казалось, что судьба ко мне жестока и смерть мой единственный выход, но они не дадут мне уйти так просто. Каждый день мне приходится терпеть жуткие пытки и нет им конца... Иногда кажется, что я попала в ад...

ISBN 978-5-532-96670-3

© Мария де Сад, 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Глава 1. Как я попала в ловушку	5
Глава 2. Подвал	8
Глава 3. Врач-садист	11
Глава 4. Поиск нужной комнаты	14
Глава 5. Комната пыток	18
Глава 6. Пансионат	23
Глава 7. Очередь на экзекуцию	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Мария де Сад

Пленница закрытого клуба

Глава 1. Как я попала в ловушку

Я сияла как праздничная медаль. Мне прислали приглашение приехать в Москву и поучаствовать в кулинарном конкурсе. Всего месяц назад я прошла отборочный кастинг на это шоу и вот она удача улыбнулась в полный ослепительно белых зубов рот. Уже и билет купила на железнодорожном вокзале. Если я стану победителем или хотя бы выйду в финалисты, то смогу устроиться на работу в одном из престижных ресторанов столицы.

Прощаясь, я шла по своему маленькому и уютному городку по его тихим улочкам. Перешагивала через выбоины и перепрыгивала лужи. Свернула на улицу Толстого, в конце которой располагался мой любимый книжный магазинчик. Зашла в него. Ха, символично. Бабка выползла, наверное, из дома, в котором ютилось торговое помещение, разложила на двух табуретах соединенных фанеркой, пучки всякой зелени с огорода. Я зашла в лавку, не обратив на нее и ее товары внимания, стала выбирать книгу, чтобы скоротать вечер в вагоне поезда.

Покинув книжный бутик и прижимая к груди выкупленный томик Марины Цветаевой, я свернула в переулок Федорова. Кто такой этот Федоров и чем прославился, не имела никакого понятия. Все, теперь я так и не узнаю это. Ура, еду в Москву, большой, светлый и очень красивый город.

Я приехала. Нашла адрес квартиры заранее снятой в Интернете, и отправилась на мое новое место жительства. Но судьба распорядилась по-другому.

Таксист завез меня совершенно на другой адрес. Я поругалась с ним и решила больше на такси не тратить время и деньги, села на автобус, который ехал по нужному мне маршруту.

Дело в том, что автобусы ездят как в одну сторону, так и в другую. Из-за незнания города я поехала в другую сторону, и в конце пути оказалась за городом. Вышла из общественного, чтоб его разорвало, транспорта и стала допытываться у прохожих, когда придет следующий.

Одна старушка сообщила, что через час, но если я пройду пару километров по шоссе, то выйду на автобусную остановку, с которой на любой маршрутке смогу доехать до нужной мне улицы.

Пройдя с километр меня, остановил полицейский патруль и вышедший из машины мужчина спустился с шоссе на тропинку по которой я бодро шлепала в указанном направлении.

– Документы предъявите, пожалуйста, – не представляясь, потребовал офицер.

Оценивающий взгляд полицейского прошел по моим ногам, немного задержался на бедрах, скользнул по животу, опять остановился на высокой груди, внимательно вцепился в глаза. Его немного передернуло.

Видимо моя полнота была ему неприятна. Ну как полнота, это я считала себя полной, комплексовала, а так имела вполне стройную фигуру, разве что чуть увеличенный объем груди и немного выделяющуюся из стандартов попку. Сама я была от своих размеров не в восторге.

– Извините. Обычная проверка, – пробурчал офицер и махнул напарнику, поджидавшему в патрульной машине.

То, что машина полицейская обозначал проблесковый маячок на крыше, а вот номеров я не запомнила, вернее их не было совсем, и вспомнила я это уже гораздо позднее, вернее поздно. Тогда на такие тонкости просто не обратила внимание.

– А хотите мы вас подвезем? – предложил немного староватый для полицейского мужчина.

– Да, пожалуйста, если не затруднит.

– Какое там затруднит! Все равно в сторону города отсюда надо ехать, вот только заскочим для проверки информации по пути и сразу обратно, – засмеялся офицер и посмеивался всю дорогу, пока мы поднимались к автомобилю.

Я уселась на заднее сиденье, полицейский захлопнул дверцу. Внутри убранство автомобиля тоже не вызывало подозрений, несмотря на то что я знала о содержимом патрульных машин только по книжкам и фильмам.

Ручки для открытия окошек отсутствовали, от передних сидений заднее было отделено металлической решеткой с мелкими ячейками. Правда в салоне было очень грязно, пол был усыпан всяким мусором, обшивка на сиденье с одной стороны была порвана.

Полицейский сел за руль и автомобиль, не прекращая мигать, тронулся в сторону большого и манящего огнями города. Я не могла понять, что со мной случилось, дыхание участилось, сердце прыгало в груди как бешеное.

Откинулась на спинку и попыталась успокоиться. Начала задремывать, дорога утомила меня. Очнулась от толчка автомобиля на выбоине. Мы заехали, в какую-то лесную полосу. Начала испытывать волнение.

– Куда мы едем? – с тревогой в голосе спросила я.

– Успокойся и постарайся расслабиться, – ответил полицейский, который до этого молчал.

– Вы сказали, что заскочите проверить информацию, а мы уже далеко за городом, в каком-то лесу! – у меня сердце готово было выпрыгнуть от страха. Предчувствие было какое-то очень уж нехорошее.

– Ну, не так уж и далеко. Да и не лес это, а так, подлесок.

Я почувствовала, как горло сжимает приступ тошноты, сердце снова дико заколотилось, как будто хотело вырваться из груди, как собственно и я из машины.

Мы повернули с шоссе и, проехав еще метров сто, остановились. Мне осталось только кричать и колотить кулаками в дверь, потом поняв бессмысленность своих попыток, стала бить в стекло ногами. Дверка распахнулась, и я не удержалась, по инерции вывалилась наружу.

– Не бойсь. Мы тебя насиловать не собираемся, – усмехнулся полицейский, который проверил у меня документы. Я вспомнила, что паспорт он мне так и не вернул.

– Отдайте мои документы.

– Ага, сейчас! – ответил офицер и приложил к моему рту и носу тряпочку, смоченную какой-то вонючей жидкостью.

Я попыталась закричать, но из горла вырывались только хрипы. Постепенно стихли и они. Ноги подкосились, и упасть мне не дал второй полицейский, который шел сзади. Он аккуратно усадил меня в траву.

– Что? Без успокоительного нельзя было обойтись? – спросил он первого.

– Ну, значит нельзя. Но она в сознании и даже уже может идти самостоятельно, – ответил офицер. – Только куда идти ей надо указывать, – хохотнул он над видимо смешной шуткой.

– Вставай, давай, и топай, не придуривай, – толкнул меня второй полицейский.

В моей голове все затуманилось, словно во сне, я подумала, что надо как-то сопротивляться и продолжала сидеть. Попыталась встать, но получилось только перевернуться на карачки.

– О, она уже принимает правильную позу, – сказал тот, что забрал мой паспорт, и они оба загоготали.

– Вставай, пошли дальше, немного осталось уже.

Он помог мне встать, и я поплелась за ним, еле передвигая ставшие ватными ноги. Мы прошли по тропинке минут пять. Вдалеке стоял здоровенный грузовой джип.

– Он? – спросил идущий впереди сопровождающий.

– Да.

Мы подошли к ожидавшему нас автомобилю и мужчины стали о чем-то разговаривать. Из-за затуманенного рассудка я понимала только отдельные словосочетания, но сложить из них мало-мальски понятную фразу не получалось.

– Хорошо, грузите ее в кузов, – предложил водитель джипа.

Блин, какое грузите, что тут вообще происходит? Голова закружилась. Крепкие мужские руки подхватили меня и закинули в заднюю дверку кузова внедорожника. На этом они не остановились.

Хозяин фургона без церемоний повернул меня на спину и зафиксировал мои безвольные руки и ноги ремнями, закрепленными на металлических стенках кузова. Мужчина привычными движениями протер мне ватным диском пропитанным спиртом предплечье, велел замереть и сделал укол в руку.

Место укола откликнулось жгучей болью. Все поплыло перед глазами, потом потемнело, и я отключилась, потеряв сознание. Последнее, что я запомнила, был звук закрывающейся дверцы кузова.

Глава 2. Подвал

Первое, что я увидела, было незнакомое помещение, очень напоминающее камеру, темное, унылое и сырое. Сырость не просто чувствовалась, она как бы сочилась из стен, потолка и пола. Капли громко монотонно стучали по какой-то поверхности, но определить, куда падала вода, не было возможности.

Я раньше не знала такого страха. Просто не сталкивалась с подобным и потому не испытывала. Такого ужаса, от которого сковывает конечности, холодеет все внутри, туманится взор и рвутся на мелкие кусочки внутренности.

Я думала, что знала о страхе все, когда толпа подвыпивших хулиганов догоняет меня в темном переулке и выкрикивает разные непристойные предложения, но случайность позволяет улизнуть от них.

Оказалось, что я очень сильно недооценивала настоящий страх, который сжимал горло мертвой хваткой и подгонял к нему тошнотворные позывы. В воздухе ощущалось вполне осязаемое присутствие смерти, от которой не было способа спастись. Было реально страшно, когда боишься закричать, но и сидеть, молча тоже очень страшно.

Из одежды на мне осталась только маечка, едва прикрывающая промежность. Ни трусиков, ни лифчика, ни джинсов, ничего совершенно.

Золотые сережки, цепочка с кулончиком и ажурный браслет с руки тоже пропали. Обалдеть, меня ограбили, но это не самое худшее. Хуже всего – неизвестность перед будущим. Что ждет меня впереди? То, что ничего хорошего можно быть уверенной, вопрос только в том, насколько плохи мои дела?

Для начала я исследовала надежность железной решетки, подползла к ней и толкнула, потом подергала. Решетка крепко сидела в петлях и была заперта на замок. За ней открывался кусок коридора подсвеченного еле светящими настенными светильниками. Атмосфера окутанного полутьмой помещения вызывала еще больший ужас. Я вернулась на койку и, уткнувшись в скудную подушку, заплакала.

Сколько провалялась всхлипывая, я не помнила, только встала я бодро и целеустремленно. Надо вспомнить все подробности моего похищения, а прежде всего, успокоиться.

Значит так, я шла на другую остановку, остановился полицейский патруль и проверил документы, офицер пригласил подвезти, прошла в машину. Стоп. А какие были номера? Номеров не было. Получается, я села в непонятную машину к непонятным мужчинами.

Мои воспоминания прервал шум шагов по коридору и вслед за ними скрип открываемого замка двери камеры. На пороге стояли мужчина в форме полицейского и женщина в медицинском халате.

– Алиса Александровна Михайлова? – сверилась с записью в блокноте дама.

Я не стала отвечать, только кивнула в знак согласия и снова всхлипнула.

– Доктор Чеснокова к вашим услугам. Мы вас не сильно побеспокоили?

– Следуйте за нами, пожалуйста, – предложил мужчина, распахнув дверь пошире.

Я не двинулась с места, рассматривая посетителей позволяющих себе показываться на людях в весьма неопрятном виде. Один грязный воротник халата чего стоил.

Вместо ответа я задала вопрос, беспокоивший меня больше всего:

– Куда вы дели мою одежду?

– Вы разве не помните? Пойдемте, я расскажу вам все по порядку.

Я вышла за дверь и в сопровождении офицера, как я его для себя назвала и докторши отправилась по коридору в сторону помещения через приоткрытую дверь которого проникал свет.

Мы прошли несколько камер слева и справа. Были ли в них другие люди, я не поняла, они были такие же темные, как и моя.

– Совсем ничего не помню, а что вспоминается, только вносит путаницу, – сказала я шлепая босиком по холодному полу.

– Проходите, – пригласила Чеснокова и кивком разрешила офицеру удалиться.

Это был смотровой, как я поняла по оборудованию, кабинет.

– Вас доставили в наше заведение без сознания. Вы точно ничего не помните?

– Говорю же вам, совершенно все спуталось в голове.

– Вас изнасиловали и мы просто ждали, когда сознание вернется к вам чтобы нормально провести осмотр, – сказала докторша и указала на кушетку. – Располагайтесь поудобнее.

Не, меня точно не насиловали, по крайней мере, пока была в сознании. Но вот потом, теоретически могли трахнуть, но я ничего не ощущаю. И почему, если это больничка, меня держали в запертой камере, вместо палаты. Все это выглядело слишком странно...

– Ну, чего стоим? Располагайтесь, – подтолкнула меня доктор Чеснокова к гинекологической кушетке.

Я в каком-то раздразе чувств последовала на странную лежанку и улеглась. Удивительно, но она была теплой.

– Сюда положите ноги, – подсказала врач и вставила их в металлические скобы, закрепленные на кушетке. Изнутри скобы были мягкие и тоже теплые.

– Не может быть, я не ощущаю, что меня насиловали, – произнесла я, привыкая к приятному объятию удерживающих элементов.

– Руками держитесь за это, – не отвечая на мои слова, предложила докторша, положив правую руку в такие же скобы только поменьше.

– Но я не хочу! Отпустите меня немедленно! Я хочу уйти.

Мягкий материал теперь удерживал мои руки и ноги, а женщина-врач, взяв ножницы, разрешила одним уверенным движением маечку от выреза шеи до самого низа.

– Вы что? Вы с ума сошли? Последнюю одежду и ту порезали, – моя нижняя губа тряслась, сердце готово было выскочить из груди.

Докторша, не сказав ни слова, вышла за дверь. Я дернулась в своих путах, но они были надежно закреплены.

– Ау! Кто-нибудь! Помогите, – закричала я, впадая в истерику.

Женщина возвратилась и, опять не говоря ни слова, вставила мне кляп в рот. На голове она застегнула удерживающий ремешок из эластичной кожи.

– Шумите слишком. Ведите себя тихо, – произнесла вроде как с обидой врач, накрывая меня свежей простыней.

С непривычки было трудно делать полноценные дыхательные движения, и я пыталась дышать через ноздри.

– Я скоро, – сообщила Чеснокова и опять покинула комнату.

Страх сдавил пульсирующие виски и пробрался в каждую клеточку тела. Так не бывает, это какой-то страшный сон, я сейчас проснусь, и все закончится. Докторша вернулась вместе с мужчиной в белом медицинском халате. Его я до этого еще не видела.

– Приготовь ее. А я начну пока осматривать грудь, – буркнул мужик Чесноковой.

Я опять воспряла духом, наверное, осмотрят и отпустят. А кляп во рту и мое обездвиживание – особенности процедуры осмотра. Поглядят, поймут что ошиблись, извинятся и отпустят восвосяи.

В это время женщина развела мне ноги широко в стороны, вставив между коленей пластмассовую распорку. Колени закрепили в удерживающих скобах. Мужик рывком скинул простыню и отвел в стороны края разрезанной майки, уставился на мою обнаженную грудь. Я выпучила от возмущения глаза, но из-за кляпа не могла сказать, ни слова.

Мужчина довольно умело ощупал груди мягкими и нежными руками, аккуратно помял мне соски. Пока все очень походило на медицинский осмотр, и я стала успокаиваться.

– Все в ажуре у нее, – сказал он Чесноковой и стал что-то доставать из лотка с, видимо, инструментами. От увиденного набора извлекаемых медицинских аксессуаров я попыталась заорать, невзирая на вставленный кляп.

Два хирургических зажима с резиновыми чуть загнутыми концами, похожими на большие ножницы, врач-мужчина закрепил на одном соске и начал поворачивать один по часовой стрелки другой против.

Меня охватил настоящий ужас. Адская боль проколола все тело. Попытки вырваться из оков не увенчались успехом, вместо визга получалось только глухо кричать. Я смотрела на своего мучителя полными слез глазами.

Он уставился на меня и ехидно улыбался.

– Что, милашка, больно? Так это еще не больно, поверь, будет больнее.

Чеснокова в голос расхохоталась.

– Внизу все в порядке. Готово к осмотру, – отсмеявшись, заявила она.

– С кляпом что?

– Да ничего! Желаете наслаждаться ее криками?

– А что, я с удовольствием послушаю, ты меня знаешь, – ответил доктор и погладил меня по пока здоровой груди.

– Как хочешь. Можешь наслаждаться, только я слушать не хочу, будешь тут один возиться.

Слезы катились из моих глаз, кричать я уже не могла. Врач-мужчина повернулся ко мне и приблизился к моему лицу.

– Детка, меня зовут Борис Львович. Сейчас я вытащу твой кляп. Можешь кричать, звать на помощь, плакать, мне ровно фиолетово на тебя. Мне реально нравится, когда завывают от боли, но нисколько не по нраву пустые бредни, мольбы о пощаде и подобная туфта. Я ясно выражаюсь?

Говорить я не могла и потому только согласно кивнула.

– Не убедительно, – врач крутанул зажимы на соске, и шквал боли лишил меня способности соображать. – Вот так, я легко могу тебе сделать чуточку больнее и вернуть кляп обратно в рот, если вякнешь, хотя бы раз. И да, я порву тебе сначала этот сосок, потом второй, а дальше я посмотрю, что еще порвать. Забыл, напоминаю, плакать и кричать разрешается сколько угодно.

Чеснокова сердито скрестила перед собой руки, когда кляп покинул мою ротовую полость. Я превозмогла дикое желание закричать, умоляя прекратить это безумное обследование, но высказанное Борисом Львовичем предупреждение остановило меня.

– Молодец! – похвалил он, вставая между моих ног и перемещая кушетку, чтобы моя попа немного свисала с ее края. – Ну-с, приступим!

Доктор, если это был именно доктор, а не самозванец, перекатил столик с инструментами поближе к моим гениталиям. Он ввел палец в смазке в мою попку, тщательно промазал анус и стенки кишки. Ту же операцию он проделал, проникнув рукой в вагину. Распорка между ног не позволяла мне свести их. Я не видела, что врач берет с лотка на столике.

– Любопытствуешь? – спросил он, увидев, как я заглядываю вниз, но не могу ничего рассмотреть. – Посмотри, какая интересная штучка.

Глава 3. Врач-садист

Борис Львович покрутил у меня перед глазами длинным и тонким вибратором. Значит, сейчас он изнасилует меня, засунув в промежность этот предмет. Но вопреки ожиданиям, вибратор оказался у меня в попе. Хотела возмущенно закричать ругательства, но вовремя вспомнила предупреждения, и только прохрипела, пока вибратор медленно продвигался в кишке. Врач посмотрел на результат и видимо он его удовлетворил. Он залепил анус квадратиком лейкопластыря.

– Ну как? Обхохочешься ведь, правда? Но пока все в порядке.

Я сильно хотела, чтобы этот фантастический кошмар закончился или провалиться прямо тут сквозь землю.

– Теперь самое веселое будет, – доктор хихикнул и взял со столика сверкающий металлом предмет, смазал его и ввел во влагалище. – Гинекологический расширитель. Как ощущения? – продолжил запикивать инструмент глубже, растягивая вагину и продвигая вдоль вставленного в кишку вибратора, прижимающегося к стенке влагалища. Нестерпимая боль прошла тело, было ощущение, что вагина рвется на две половинки.

Не обращая внимания на мои дерганья, Борис Львович стал щупать ягодицы и внутренние стороны бедер. Потом он принялся ерзать пальцами по расширителю. От чужеродного инструмента в вагине напряглись мышцы, и к желудку подкатили спазмы.

– Маргарита, а может, все-таки, расширитель слишком велик? – обратился доктор к Чесноковой, значит ее Маргарита зовут, запомню.

Он совершенно не соизволил прекратить свое копанье во мне, несмотря на высказанное предположение, заталкивая предмет поглубже. Мое тело напряглось, и я громко застонала. Все кончилось внезапно, когда мое тело рассталось с ненавистным инструментом.

– Ладно. Все хорошо, – заключил врач. – Ты вполне готова выдержать лечение в нашем пансионате, есть надежда.

От наступившего облегчения после вынутого из меня расширителя тело покрылась испариной, капли скапливались в каждой ямке на животе. Я обалдела, увидев как Борис Львович мастурбирует, сжимая в кулаке свой возбужденный член.

Отвернулась от этого отвратительного зрелища. Где-то в глубине души зажглась слабая надежда, а может он снимет возбуждение и все... На этом кошмар закончится?

Но нет. Я ощутила, как он снял распорку между ног и положил руку мне на ляжку. Потом в вагину уперлась головка его пениса, и он медленно стал проталкивать ее в глубину влагалища.

– Что вы делаете?! Нет! Не надо, – я в панике прокричала связанное предложение и осеклась. Как же так? Столько вытерпеть и сорваться. Но произнесенного нельзя вернуть назад. Может его угрозы были шуткой, он такой милый, совсем не похож на маньяка.

Борис Львович трахал меня, беспощадно тараня шейку матки, и это не доставляло мне никакого удовольствия. Более того, каждый толчок его члена во мне, вызывал ответную адскую боль.

Врач на несколько секунд задержал пенис в глубинах моей вагины, чтобы снять зажимы с соска. Я почувствовала великолепное облегчение, близкое наслаждению и одновременно из влагалища исходила ужасная боль от продолжившегося после перерыва траха.

Доктор вцепился в мои груди и потянул на себя. Я даже подумала, что он оторвет их совсем и завизжала от нестерпимой боли. Фрикции участились, амплитуда их увеличилась и наконец, Борис Львович зарычал и замер.

Мне казалось, что прошел целый век, пока он не вытянул из меня член и не вытер его о мой живот. Страхнул еще пару капель спермы выступивших из пениса на пол, вытер вспотевший лоб.

– Я предупреждал тебя, девочка. Что, разве трудно было запомнить простое правило? Говорить только когда разрешено, молчать и внимательно слушать. Все. Неужели не ясно? – выдал тираду врач, натягивая штаны.

– Да, Борис, ты красавец. Классически ты ее отбарабанил, я даже засмотрелась. Только титьки можно было пожалеть, подпортил фактуру, – похвалила Чеснокова, Борис улыбнулся. – Эй, следующие!

В смотровой кабинет вошли два мужика с пенисами в полной боевой готовности, которые они лениво мастурбировали. Я начала безрезультатно дергаться в жестких путах

– Я не хочу! Прекратите! – выкрикнула я не в силах больше смотреть на дробящихся мужиков.

– Погодите ребята, – вмешался Борис Львович и вставил мне в рот кляп, а на втором здоровом соске поставил зажимы. – Я устал предупреждать тебя, получи наказание, глупая девчонка.

Один из мужчин встал позади меня и возмущенно уставился в промежность.

– Что за фокусы! Я планировал опробовать свежую попку! – вскричал он.

– Нет. Нельзя! Пока нельзя. Что, мало дырок? – остановил его возмущение Борис.

Поставив обратно распорку между ног, мужчины оттрахали меня по очереди, и потом волоком оттащили совершенно обессиленную, испачканную спермой, в мою камеру.

Я лежала в камере и снова переживала ощущения пережитые мной. Промежность жила своей отдельной жизнью, вздрагивала и периодически сокращалась, словно вздыхала.

Меня наказали, осталось только понять “за что”? Я точно не совершала никаких деяний, требующих столь сурового наказания. Надо как следует подумать, какую я допустила ошибку.

В тесном помещении кроме меня был еще кто-то. Я чувствовала его или ее присутствие. Но умом я понимала, что этого никак не может быть, я заходила в совершенно пустое помещение.

– Кто здесь? – выкрикнула я.

– Я тут... – прозвучал ответ еле слышным шепотом, похожим на колебания воздуха от дуновений ветра.

Подошла на трясущихся ногах в угол камеры и уткнулась в прутья решетки, прижалась к ним ухом.

– Тихо. Не говори нам ничего. Нам тоже нельзя пока говорить с тобой. Прошу, делай все в точности, как указывают. Тогда все пойдет благополучно.

– Вы... – на мой так и незаданный вопрос зашипели, обозначая просьбу соблюдать тишину.

Я схватилась в холодную сталь решетки.

– Почему меня похитили, лишили свободы, надругались?

– Тишшше, не шшшшшми, – мне показалось, что со мной разговаривают как минимум пять, шесть человек.

– Я прошу вас, – но моя мольба осталась без ответа и послушав еще немного тишину, я вернулась на свою койку.

Голоса снова начали шуршать за стеной, я слышала их перешептывание, сначала еле слышное, но по мере разгорания спора звук стал громче. Но со мной больше никто не хотел разговаривать.

Оперев спину о стену камеры, я вернулась к своим размышлениям о последних событиях, свалившихся мне на голову. Посмотрела на неаккуратно брошенную на постель новую майку и решила одеть ее.

Стало уютнее, но тревога и страх перед неизвестностью не отпустили меня, хотелось заплакать. Хотя, что может быть страшнее многократного группового насилия совершенного в отношении меня?

Еще одно изнасилование. Одним больше, одним меньше, меня теперь это не сильно пугало. Я жутко боялась чего-то нового, до чего просто не могла додуматься в силу своей некомпетентности в этих вопросах, но то, что впереди меня ждет что-то ужасное не вызывало сомнения.

Освещение вспыхнуло внезапно. Я сначала зажмурилась от такой яркости, привыкая. Увидела, как по коридору мимо моей камеры стали проходить женщины в таких же, как у меня майках или футболках. Они выходили сопровождаемые железным скрежетом дверей в камерах и их стуком. Непонятно откуда прозвучал командный голос, хорошо слышимый во всем коридору:

– Бегом на выход. Говорю один раз.

Мне повторять не требовалось, хорошо помнила, как наказали заслушание. Побежала догонять остальных девушек преодолевая боли во всем теле. Попробовала шепотом заговорить с соседками, но они угрюмо молчали.

Впереди толпы девушек выделялась такая же примерно по численности толпа одетых в черное мужчин и женщин, видимо надзирателей. Они стояли вдоль стен и вооруженные кнутами, а у одного мужика даже виднелась дубинка. При выходе одна из черных дамочек схватила меня за руку:

– Новенькая? Слушай внимательно, что говорят и делай все в точности как говорят, тогда может быть, выдержишь здешние условия содержания.

– Какого содержания?

– Молчать была команда! Ясно? – рявкнула моя надзирательница.

Она была одного со мной роста, но шупленькая, где-то на двадцать килограммов весила меньше. Я представила, как мои руки сжимают ее горло... А ведь могла бы справиться с ней, только понятия не имею, что делать дальше. Куда идти, как справиться с оравой охранников.

– Говорить будешь, когда позволят! Или спросят. Усвоила? – женщина больно ткнула меня рукояткой кнута под ребра.

Я кивнула, морщась от болевых ощущений.

– Это помещение твоя столовая, тут ты будешь есть. И задания получать будешь то же тут, – сказала надзирательница. В голове моей накопился целый ворох вопросов, но задать их я не осмелилась.

Глава 4. Поиск нужной комнаты

Осмотрелась в так называемой столовой. В помещении было несколько столов с выдвинутыми стульями на десять персон. Пока стояла в очереди за пищей, осторожно присматривалась к окружающим меня людям.

Заметила моих недавних насильников, они сидели за одним столом в дальнем углу комнаты с довольными физиономиями. Я споткнулась и уронила с подноса уже набранную на раздаче еду. Следом сама шлепнулась на колени и ко мне поспешили на помощь пара молодых мужчин, помогли подняться. Я продолжала тарашиться на насилующих меня медиков и мои помощники посмотрев туда же, рассмеялись.

– Ничего свыкнешься, милашка, – продолжая улыбаться изрек парень с лицом как у ребенка, но хищным взглядом. Он по панибратски провел мне рукой по лицу смахивая слезинку. – Сейчас принесу еще порцию. Подожди тут.

Я, как кукла-зомби, послушно села на стул с края стола и стала поближе рассматривать сидящих за ним женщин. От причесок не осталось и следа, грязные неухоженные волосы, порывтые синяками части тел и лица, глубокие рубцы и ссадины, гной вытекающий из них, распухшие от ударов губы.

Мне в этот момент почему-то захотелось посмотреть на себя. Неужели я выгляжу как они? Попытка заговорить с ними кончилась ничем, хотя между собой они разговаривали, а меня просто проигнорировали. Мои наблюдения прервал мужчина, притащив поднос с непривлекательно выглядевшей и пахнувшей пищей:

– Поешь, Алиса, – улыбнулся он мне и присел широко расставив ноги. – Я тут босс. Мы будем еще часто встречаться. Зовут меня Александр Анатольевич.

Я взяла чашку с чаем и прихлебнула немного. Напиток оказался вполне сносным. Босс протянул руку и мне ничего больше не оставалось как взять ее и пожать. Это было неприятно, даже пожалуй отвратительно, как будто я прикоснулась рукой к помойному ведру.

– Ты делаешь все, что тебе прикажут и жизнь не покажется тебе такой ужасной. Это же не трудно?

Я мотнула головой соглашаясь. Странно, эту фразу мне здесь твердят все кому не лень. Что, происходит со мной, где я?

– Сейчас получишь первое задание. Но сначала покажи кисть руки. Любую.

А осторожно протянула левую руку и на ее запястье оказался браслет из кожи. Александр Анатольевич аккуратно застегнул его.

– Ты убедилась, что не все время тебе пытались сделать что-то больно? Иногда это довольно приятно. И вот еще что! Ты не выпендривайся, не нужно, не каждый встреченный тобой тут работник будет таким понятливым как я. Усвоила?

– Да, – ответила я, осипшим от понимания абсурдности ситуации, голосом.

– Ок. Ставлю задачу – нужно найти первую комнату и доложить о своем прибытии в ней. Время пошло! На выполнение отводится только десять минут.

Все пришло в движение. Женщины разбежались на искалеченных ногах по коридору. Я еще раз осмотрела полученный браслет. Кожа как кожа, ничего необычного, только вот странное металлическое колечко на внутренней стороне запястья с плотно соединенными концами.

Ладно, по крайней мере не отвалится и не пропадет. Нужно сейчас сосредоточиться на поисках первой комнаты. А если я не буду искать эту дурацкую комнату? Десять минут. А что будет если я справлюсь на одиннадцать? Кому я должна доложить о своем прибытии и что будет потом?

Может это будет наказание страшнее, чем наказание за то что ослушаюсь, и не выполню задание? Я поплелась по коридору соображая, где может быть эта таинственная комната.

Коридор был покрашен в приятных для глаз бежевых тонах, а на стенах красовались простенькие картинки. Я медленно проходила мимо комнат, на которых были написаны цифры, по всей видимости, номера.

Первой была комната номер двенадцать. На второй красовались барабанные палочки, номер одиннадцать. Дальше шло помещение с номером десять. Я поняла, что нумерация выполнена в порядке убывания и нужная мне дверь находится в конце коридора. Только до нее еще нужно добраться, так как заветный конец пути находился довольно далеко, особенно для еле передвигающейся на ногах девушки.

Попадались двери не только с номерами, но и с подписями. От названия девятой комнаты закружилась голова. Так на двери под цифрой шесть была надпись большими буквами «БДСМ». Под пятым номером значилось название «Наблюдение». На четвертой выделялась надпись «Наказание». Какое наказание? Как можно наказать уже жестоко наказанного человека? Абсурд!

Надо бежать отсюда. Я точно это знаю. Выход должен быть. Там, дальше по коридору, должна быть дверь. Пробравшись мимо нужного помещения номер один, я пошла вперед к заветной двери.

Моему разочарованию не было предела. Там не было не то что выхода, там даже окон не было. Пришлось возвратиться к первой комнате. Остановилась в задумчивости. Входить или нет?

Взялась за дверную ручку и опустила руку. Надо постучать и войти, чтобы представиться. А можно воспользоваться моментом, что в коридоре никого нет, и попробовать еще раз поискать выход? Он же должен быть, в конце концов. А если меня накажут? А может быть за дверью и ждет меня желанное освобождение? Войду, представлюсь, и меня отпустят.

Я решительно постучала, но ответом была тишина. Что делать? Снова постучала и дернула за ручку, закрыто, повернула ее, дверь со щелчком отворилась. Меня ждала совершенно темная комната. Удивительно знакомый мужской голос произнес, что я опоздала.

– Ну, ведь только на две минуты, – улыбнулась я, узнав голос бывшего со мной очень добрым Александра Анатольевича.

– Проходи, – с мягкой интонацией в голосе предложил он, и я вошла, одновременно привыкая к темноте.

– Дверь, – я сразу закрыла ее за собой и босс продолжил. – В первой комнате, имеющей название “Знакомство”, именно этим и занимаются, то есть ближе знакомятся друг с другом. У тебя было предостаточно времени, чтобы добраться сюда вовремя. Путь сюда занимает чуть больше минуты. Ты бродила, где-то целых двенадцать. Разве я плохо заботился о тебе?

В знак согласия я кивнула.

– Я не слышу ответа! Говори, если есть что ответить, – приказал он.

– Я боялась входить, – пролепетала я поняв, что он меня не видит в темной комнате и значит, не видит и кивка. Я тоже совершенно ничего не видела.

– И что? – снова раздался голос из темноты. – Ты признаешь, что виновата? Отвечай!

– Я не понимаю, – промямлила я. – Не знаю.

– Ты виновата, что послушалась меня. И за это будешь жестоко наказана. Чему тебя все время учили? Делать то, что говорят. Мне не нужен бардак.

Страх снова сковал меня по рукам и ногам. Меня подхватили крепкие мужчины. Попытка вырваться и закричать была прервана ударом под дых. Александр Анатольевич из глубин темноты произнес?

– Не надо дергаться. Вообще не пытайся сопротивляться. Это бесполезно. Ты уяснила?

– Я больше не буду, – осипшим голосом ответила я, пока мне через голову снимали маечку. Невольно одна моя рука потянулась прикрыть грудь, а вторая легла на треугольник лобка.

Мужчины отвели мои руки и, подняв вверх, застегнули в невидимых мной оковах. И тут же начал разгораться свет, сначала тускло потом все ярче. Я увидела мужчин, стоящих вдоль стен и любующихся моей наготой.

Подошел Александр Анатольевич и тоже стал меня рассматривать. Удовлетворенно хмыкнул и ухватился за мою грудь. Помял ее, наклонился и начал посасывать. Было приятно и немного щекотно.

– Ты сама виновата, а могло быть по-другому. Но ты ослушалась и не выполнила поручение. Мало того, ты продолжаешь бунтовать.

Я начала учащенно дышать из-за его возбуждающего языка на своем соске. Босс был такой нежный и добрый. Что-то внутри мне подсказывало, что он просто не мог мне доставить боль и муки.

– Я не слышу ответ! – заорал он так, что вздулись вены на шее и стали похожи на канаты. Это был безумец в чистом виде. Он ущипнул меня за замученную накануне грудь. Я закричала от адской боли и стала дергаться в крепко удерживающих меня оковах.

– Прекратите! Я не понимаю, что вы от меня хотите!

Александр Анатольевич улыбнулся, и стал играть моей здоровой грудью, подкидывая ее на руке, потом стал катать как шарик. – Нравится?

– Я не знаю.

Босс продолжил ласкать мою грудь, гладить, целовать и делать вокруг соска круговые движения языком. Так же внезапно, он прекратил ласкать меня и отошел, уступив место двум мужчинам из стоящих вдоль стен.

Они продолжили ощупывать и мять мое тело уже вдвоем. Тот, что был спереди, стал вместо босса сосать и облизывать сосок, потом запустил руку в половую щель и стал массировать клитор. Я постаралась увернуться от него, но сзади стоял второй мужик. Хотела закричать, но тут же осеклась.

– Молчи, Алиса! Из чувства самосохранения не говори ни слова, – сказал Александр Анатольевич, и мне пришлось захлопнуть рот, и спрятать в самые глубины сознания свой гнев, смущение и прочие переполняющие меня чувства.

От путешествия чужих рук по различным частям моего обнаженного тела, в том числе посещающих и сугубо интимные места, пылали щеки, о попу терся твердый член. Я ощущала, что очень сильно намочла в промежности, видимо игра с грудью и клитором сделала свое дело.

Я вздрогнула, когда один из мужчин проник кистью руки в вагину. Он по-хозяйски принялся трахать меня ею, потом вставил член и продолжил драть меня уже им.

Слово “Драть” больше всего подходило под то, как он сношал меня. Мне было не совсем удобно принимать в себя его орган под таким углом и очень больно. Но мужчина прижался ко мне, обхватив живот и талию, что позволяло ему делать фрикции.

Другой насильник прижался ко мне спереди и раздвинул руками половые губы, между которых уже работал член того, что держал меня сзади. Боль, пронзившая меня, заставила громко вскрикнуть, когда мужчина продавил, продвигаясь в вагине место для своего члена. И потом, когда он вошел в меня полностью, не обращая внимания на мои дерганья в оковах, стал трахать вместе со вторым пенисом мою изможденную вагину, прорываясь в нее все глубже. Как же мне хотелось вырвать эти ненавистные половые органы самцов с корнями.

Они вошли в синхронный ритм и жестко долбили меня, ускоряя темп и разрывая мое лоно. Друг за другом мужчины кончили, прижавшись ко мне. Из вагины выделилась сперма вперемешку с кровью и потекла по ляжкам вниз.

– Хорошо вы ее отделали! Хвалю! – сказал Александр Анатольевич и снова ухватил меня за многострадальную грудь. – Урок пошел на пользу? Ты не будешь больше делать непростибельные ошибки?

Вместо ответа из-за накопившегося во мне гнева и ненависти я, собрав во рту всю слюну, плюнула в его ненавистное лицо. Он не ожидал такой выходки, и отшатнулся от меня, вытирая плевки. Долго смотрел на меня и, видимо, приняв, какое-то решение освободил меня от оков.

– Ты решила, что мы тут все играем в игрушки. Решила, что можно не слушаться приказов и рекомендаций. Ты очень сильно ошибаешься! Мне надоело твое своеобразие. Сейчас ты отправишься в комнату номер четыре. Возьмите ее, я подойду попозже.

Наказание. Так была обозначена эта комната. Меня визжащую и брыкающуюся подхватили под руки и вытащили в коридор.

Глава 5. Комната пыток

Меня тащили как мешок всю дорогу до четвертой комнаты, так как ноги отказывались передвигаться. Представляя, что может быть хуже группового изнасилования и что ждет меня в этом помещении, меня покидала готовность к борьбе и сопротивлению.

– Пустите меня, – умоляла я волокущих меня мужчин. Они остановились, но только чтобы ловчее перехватить меня вырывающуюся из их рук. Вот и комната номер четыре.

– Стоять! – скомандовал появившийся неизвестно откуда Александр Анатольевич, руку он держал возле пояса.

Мужчины по его команде встали как вкопанные и отпустили меня, я рухнула на пол.

– Надеюсь, что урок ты усвоила, – зловеще выговорил он, а я радостно закивала и вытерла сопли под носом внутренней стороной руки. – Оденься и помойся. Пополудни необходимо доложиться мне. Времени у тебя осталось немного, – он посмотрел на часы и назвал время. – Час и тринадцать минут. Что произойдет, если ты опоздаешь? Тебе рассказать? – он кинул на меня мою майку. – Все. Ступай отсюда!

Я напялила майку, и с трудом встав на шатающиеся ноги, побрела к общему санузлу. Наступать на керамический пол было приятно, он охлаждал ступни. Я села обхватив руками согнутые в коленях ноги и заплакала в голос никого не стесняясь.

При этом я не забывала поглядывать на висевшие над входом часы, не хватало еще опоздать. Часы мерно тикали делая секундной стрелкой круг за кругом.

Я снова с кряхтением встала и посмотрела на себя в зеркало. Осторожно дотронулась до синяков и кровавых ран на теле, увидела морщины там, где их раньше никогда не было. Нос покраснел от постоянного вытирания и болел, глаза от слез стали красными и припухшими. Стянула майку и осмотрела себя.

Одна грудь стала фиолетового цвета и значительно больше другой, которую не крутили в зажимах. Распухшие губы вагины стали похожи на пирожки саму ее сильно жгло, что-то внутри.

Я взяла несколько влажных салфеток и аккуратно стала выпирать, начиная с лодыжек потеки крови и спермы, добралась до паха, но протереть там не решилась, боясь потерять сознание от боли.

Допустить этого было нельзя еще и потому, что время стремительно приближалось в двенадцати. Я накинула на себя футболку и направилась в столовую, решив, что сделать это заранее будет весьма уместно.

Мимо меня, как зомби, брели другие женщины с опущенными головами. Их покрытые синяками и кровавыми ранами тела никого не беспокоили, как будто, так и должно быть, как будто они давно привыкли к таким телам, и это воспринималось как должное.

По мере заполнения помещения столовой к женщинам возвращался интерес к жизни, они начинали переговариваться между собой и даже улыбаться.

Ровно в половину двенадцатого как из-под земли неожиданно в столовой возник Александр Анатольевич и громко спросил у надзирателя на входе о наличии всех присутствующих. Охранник подтвердил, что в столовой собрались все женщины.

– Прекрасно, барышни, – сказал он. – Все так, как и должно быть и мне это очень нравится.

Женщины отреагировали на его слова по-разному. Одни довольно заулыбались, а другие явно занервничали, но старались не показывать это открыто. У рядом стоящих со мной женщин было слышно, как стучит сердце или мне почудилось.

– Задачи буду ставить после приема пищи, – произнес босс и уставился прямо на меня. – Думаю, что опоздавших сегодня больше не будет.

Я получила свою порцию и нашла место в небольшой компании женщин. Одна из них движением головы откинула со лба и глаз челку рыжего цвета и отложила вилку на пустую тарелку.

– Новенькая значит. Я с тобой говорю, потому что теперь можно. Меня кстати Елизавета зовут.

– А меня Алиса, – представилась я и отломил кусочек от ржаного хлеба. – Что тут такое творится? И где мы находимся?

– Это место называется ад. И мы находимся в самом его пекле, – грустно улыбнулась Лиза.

Женщины, сидевшие в нашей компании, закивали головами соглашаясь.

– Они экспериментируют на нас, проводят исследование с научной целью, – продолжила свой рассказ женщина.

– Я заметила одну особенность. Все дамы тут имеют крупные размеры и пышные формы. А вы обратили на это внимание?

Ответом мне было молчание и кивок Елизаветы.

– Они свою деятельность называют методикой предельного похудения, потому и все эти пытки и издевательства. Видите ли, услугу они оказывают всему человечеству.

– А в чем услуга то? – спросила я прощаясь с приемом пищи, так как аппетит резко пропал. Я догадывалась, какой будет ответ.

– Нет, не скажу. Ты сама должна узнать, когда увидишь или почувствуешь. Только умоляю, для твоей же безопасности, выполняй что говорят, не доводи до того чтобы они...

Лицо Лизы стало и без того белое стало белее бумаги.

– Что? Что они? – чуть не закричала я в голос, но женщина не ответила.

Охранник, экипированный кнутом и с планшетом в руках, подошел и повернул к себе внутреннюю сторону запястья, взглянул на браслет внимательным взглядом.

– Пройди в комнату два и доложи о своем прибытии. Тебе на все пять минут, время пошло.

– Шевели булками, пышка. На твоём месте, тьфу не дай Бог, я бы поостерегся опаздывать.

Нет, я больше не хочу по своей воле отдавать себя для наказания. Я не буду задерживаться и приду в назначенное помещение вовремя. Нельзя давать им повод снова изнасиловать меня.

Подошла к указанной двери, на которой был прибит только номер и все, никаких указателей на то, что ожидает внутри. Я решительно взялась за ручку, меня слегка колотила мелкая дрожь. Дверь оказалась не закрыта, интересно для чего они вообще тут нужны.

– Ты успела, Алиса. Проходи, – пригласил незнакомый мужчина у входа.

Я обрадовалась, что это не Александр Анатольевич. Его я точно не хотела встретить. На этом радостные известия закончились. Я осмотрелась в тускло освещенном помещении. На цепях, закрепленных в стенах большой комнаты, висели голые женщины, закованные в наручники. В воздухе парил зловещий запах мускуса, исходивший от мебели, изготовленной из кожи и древесины.

Несколько пышных с виду девушек располагались на этой мебели. Абсолютно все были в синяках и порезах, которые если не приглядываться пристально, выглядели как татуировки выполненные методом шрамирования.

Мужчина смотрелся внушительно. Он бы выше меня и имел тело атлета с выпуклым рельефом мускулов.

– Меня можешь называть Антоний. Не путать с Антоном, – назвалса он. – Одежду снимай, она тебе не понадобится.

Я стянула майку через голову и бросила ее на пол. Пусть валяется, мне нет до нее дела.

– Я буду нежен с тобой. Не то что эти куски сала, развешанные по стенам, – хохотнул Антоний, видимо порадовавшись удачной шутке. – Но некоторые обязательные процедуры не

вызовут у тебя восторг. Не говори ничего, – предугадал он мои слова готовые сорваться с уст. – Пойдем.

Он зашагал широким шагом через всю комнату. Я поплелась за ним, стараясь, как могла, не отстать, мимо женщин, которых секли кнутами и били бамбуковыми палками.

Истязаемые не издавали ни единого стога, только на лицах застыла гримаса ужасной боли. В центре стоял станок, которого я никогда не видела раньше и не представляла, как он работает.

На нем располагалась незнакомая женщина. Ее спину поддерживала, скорее всего, мягкая скамейка, а тело, с зафиксированными за спиной руками и очень широко расставленными ногами, было закреплено вертикально.

Механизм сиденья медленно опускался вниз, и женщина насаживалась на искусственный фаллос невероятных размеров, проникающий в нее на всю глубину. Потом начиналось движение скамейки вверх и снимало даму с этого кола. Она смотрела открытыми глазами на работу станка, но в них отсутствовал здравый смысл, наверное, бедняжка сошла с ума от изуверских мучений.

– Это «трахотрон», – пояснил Антоний, заметив, куда я смотрю. – Сегодня она королева и побудет на этом троне еще некоторое время.

Мы подошли к кожаному коню, совсем такому, как помнился он мне с уроков физкультуры. Ноги были укреплены в полу. Около гимнастического снаряда стояли двое мужиков с кнутами наперевес и женщина, кажется Мария, насколько я помнила по общению в столовой. Она стояла совсем рядом с конем и заметно дрожала, как от холода, хотя в комнате было очень жарко. Один из мужчин вывернул мне руку и повалил на снаряд вниз лицом.

– Хватай кольца, – сказал он, и когда я ухватилась за гимнастическое приспособление, одним ловким движением аккуратно раздвинул ноги.

Я попыталась крепче вцепиться в кольца, но второй детина перехватил мои руки и поднял над головой. От переполняющего меня гнева хотелось ухватить зубами за горло первому, кто подвернется и вырвать проклятый кадык. Слезы наполняли глаза.

Елизавета и Мария стояли у коня сбоку от меня. Мужчины велели им лечь на снаряд по краям от меня и протянуть руки к моим ногам. Какая-то фантастическая конструкция.

Кнут прошелся рукояткой по моей спине, опустился вниз по одной ноге, по другой поднялся вверх до промежности и остановился на распухших половых губах.

Выдержав короткую паузу, рукоятка глубоко вошла в меня. Моментально на лбу выступила испарина, внизу стало неприятно крутить живот. Но нет, мужчина со смачным чавкающим звуком выдернул гладкую толстую деревяшку из моей промежности.

Маша лежала слева от меня с выпученными глазами так, что были видны только белки, и надувала щеки. Один из охранников сначала дробил у ее попы свой член с блестящей от смазки головкой, а потом воткнул руку ей во влагалище. От этого девушка вцепилась в коня так, что побелели пальцы.

Вторая девушка бессмысленно смотрела мимо меня с вставленным электровибратором. Приборчик, выставленный на, вероятно, максимальную скорость, жужжал неистово долбя Лизу, на что она отрешенно реагировала, высунув язык.

Ее тело содрогалось в такт толчкам вибратора. Я наверное засмотрелась таким невероятным зрелищем и пропустила удар кнута по заднице. Дернулась как ужаленная и вскрикнула.

– Цыц! – приказал охранник и снова обжег мое тело хлестким ударом.

Боль разозлила меня и я хотела защититься, но с каждым взмахом кнута на ягодицы приземлялся рой ос и остервенело кусал. Слезы катились крупным градом. Мои товарки стонали. Неожиданно меня перестали пороть и начали оглаживать ладонями горящую попу.

Мужчины массировали ее, как будто месили тесто, создавалось впечатление, что они хотели закрепить следы от ударов на коже. Мне раздвинули ягодицы и засунули пальцы в вагину.

Следом за рукой во мне оказался чей то член. Меня стали трахать жестко и глубоко проникая внутрь. Каждое движения пениса во мне отдавалось адской болью.

Казалось, что из меня хотят вырвать матку. Охранник прекратил драть мое лоно и отстранился, наверное, оценивая результаты своего труда. Рядом кряхтела и стонала бледная как смерть Мария. Насилюющий ее мужчина остервенело долбил девушку так, что она вот-вот потеряет сознание. Мужик задрал ей голову, зажав волосы в кулаке.

– А-яаа... прохрипела женщина с перекошенным от боли лицом. Я хотела посочувствовать ей в ее муках, как то облегчить их и взяла ее руку в свою, но получила хлесткий удар хлыстом.

Охранник замер и стал конвульсивно дергаться телом, кончая в Марию, а потом выдернув член и еще немного продолжил изливаться на ее тело. Завершив свое дело, встал и ушел.

Я перевела взгляд на Лизу и увидела в ее глазах отчаяние и полную отрешенность от происходящего. Подошел Антоний и уставился на нас заложив руки за спину.

– Напомните, я говорил вам первую заповедь нашего пансионата? – спросил он и поцокал языком. Мы смотрели за него тупыми взглядами.

– Так, не знаете! – резюмировал мужчина.

– Не болтать, – вырвалось у меня.

– О, молодец. Приз в комнату! – не обращая внимания на меня, он повернулся к Марии. – А кто только что нарушил эту заповедь?

Ответом был душераздирающий крик женщины.

– Не кричи! Иди отсюда. Вон те добрые господа заждались тебя в четвертую комнату.

У меня моментально пересохло во рту. Подошли мужчины и, подхватив кричащую, но обессиленную и потому не сопротивляющуюся Машу, подмышками утащили ее на выход. Дверь закрылась за девушкой навсегда...

Антоний помог мне встать с гимнастического коня и, придерживая под локти, повел на другую сторону помещения. Я снова шла мимо плачущих, стонущих и даже кричащих женщин.

Подошли к сооружению с деревянными брусками, из которых торчали металлические кольца. Мой сопровождающий, стукнув меня по заднице, обозначил траекторию движения, велел встать на колени, и просунул мои руки в эти обручи, застегнул удерживающие ремешки.

На голову он мне напялил кожаный мешок, или капюшон, я не разобрала, и застегнул на нем змейки застежек для рта, носа и глаз. Оказавшись без возможности дышать, я затрепыхалась в станке, который цепко держал.

Мне кто-то сильно сжал голову, как тисками и расстегнул молнию закрывающую нос. Теперь я свободно вдохнула воздух и почувствовала внутреннее облегчение.

Остальные органы открыть не посчитали нужным и ощущения от этого были весьма неприятные. Между раздвинутых ног мне просунули подушки чтобы опиралась на них коленками.

В промежности начал орудовать грубый, но влажный язык. Он вылизывал распухшие и зудящие внешние губы вагины, залезал внутрь и играл с клитором. Одновременно мужские руки ощупывали промежность и наконец, зашли во влагалище, сменив ненасытный язык.

Пальцы начали интенсивно двигаться, глубоко погружаясь и почти выходя из моей норки. Вопреки сопротивлению разума, я постепенно начала испытывать приятные ощущения внутри, и тело стало подыгрывать это мастурбации.

Сопротивляться охватившим меня плотским инстинктам не было сил. Рука трахала меня с большой амплитудой движений и проникала все глубже. Вторая рука снаружи подобралась

к клитору и дрочила его, как это делается у мужчин, зажав между двумя пальцами. Я на пике необъяснимого восторга начала кончать...

Очнулась и почувствовала, что во мне пульсирует член, но клитор все еще подвергался воздействию руки. Я сходила с ума от того, что не могла видеть и слышать, что со мной делают.

В кожаном мешке у меня на голове становилось жарко, как в парной. Пенис во мне разрядился спермой и вышел, но ему на смену тут же, пришел другой. Когда он кончил, на смену пришел третий. Я сбилась со счета, сколько мужских органов кончили во мне. Уже не было никакого восхитительно чувства, только с трудом переносимая боль в вагине и страшное жжение.

Ритм работы очередного члена во мне замедлился, я очень надеялась, что силы насильников на исходе. Вместо этого я ощутила, как в промежность, вместе с работающим там пенисом, что-то проникло. На лобок легла рука. Я поняла, что в меня воткнули фаллоимитатор.

В вагине снова ускорились фрикции, только теперь совместно с искусственным членом. Он мучительной боли хотелось потерять сознание, а еще лучше умереть. Но долбежка продолжалась с неиссякаемой силой, терпеть боль стало невозможно.

Насильник закончил и вытащил из меня свой кол. За ним последовал и фаллоимитатор. Моя грудь в такт тяжелому дыханию надувалась и опадала, как меха в кузнице. Из вагины бесконечным потоком вытекала вязкая бледно-розовая жидкость.

С меня сняли мешок, расстегнув змейки, и освободили руки из колец. Я не слышала крики других женщин из-за кожаного чехла на голове. Упала на спину и согнула ноги в коленях, тело судорожно конвульсировало примерно в такт трашающих меня недавно мужчин.

Я лежала и закрыв глаза молила всех Богов, которых знала, о скорой смерти.

Глава 6. Пансионат

Я убивала ее, в какой уже раз – трудно было вспомнить. Ее тело в этот раз выглядело как сплошное кровавое месиво и мне нравилось видеть его. Все из-за нее, из-за Маргариты на меня свалился ком неприятностей, и в конечном итоге я попала в какое-то садомазохистское гетто, где меня насиловали и подвергали пыткам.

Я схватила тощую Ритку и пробила пальцами ее горло, нащупали пищевод и трахею, зажала в руке поудобнее и вырвала. Она улыбалась мне. Пришлось взять вырванные кровавые ошметки и запихать ей в глотку, только тогда она перестала ухмыляться и свалилась на пол.

Мне было мало этой экзекуции. Я жаждала отомстить проклятому Денису и стала наносить ему удары молотком для отбивания мяса. Вывалившиеся из проломленного черепа глаза свисали из бывших глазниц на нитях сосудов. Он кричал от боли, а я била его, превращая череп в бесформенные осколки. Это было блаженство.

Я проснулась и сначала не понимала, где нахожусь, что со мной. Голова трещала, как после сильной попойки. Не мешало бы опохмелиться. Села и ощупала ладонью совершенно мокрую простыню, так сильно я вспотела. Как я сюда попала? А сюда это в камеру, вспомнила я.

Кто меня одел? Этот вопрос остался для меня тайной. Моя нагота уже совершенно не вызывала стыд, и теперь я свободно могла прилюдно раздеться, ходить, заниматься своими делами не обращая внимания на окружающих. Интересный побочный эффект от мучений через которые я прошла.

Между ног все болело, и кости, и мясо и кожа, все. Запустила пальцы в щель вагины, осторожно стараясь ни до чего не дотронуться, чтобы не вызвать реакцию организма. Вляпалась в какую-то липкую жижу, заполнявшую отверстие. Надеюсь, это не кровь, я лечебная мазь, в темноте камеры не рассмотреть, как следует.

Интересно, меня ведь должны искать. Или не должны? Ведь я уехала в Москву на кулинарный конкурс, а приехав в столицу, не смогла найти по адресу снятой квартиры.

Получается, меня никто не ищет. Печально. Но надежда на чудо теплилась во мне, и будет жить, тока я сама живу. Какую теперь пытку придумают мои мучители? Мне казалось, что уже более изощренного издевательства придумать нельзя, но каждый раз они придумывали еще более изуверские испытания выносливости.

За стенами камеры кто-то тихо стонал, кто-то неровно дышал, где-то раздавался храп. Предположила, что сейчас ночь. Никакого шепота, тем более никаких разговоров, только отдельные вскрики или бред в бессознательном состоянии. Отвратительный смрад непонятного происхождения висел в воздухе.

В столовой на ужине я попробовала пересчитать таких же, как я несчастных пленниц. Получилось около двадцати, так как могла сбиться со счета из-за постоянного передвижения женщин и примерно столько же охранников-наильников.

По коридору кто-то шел. Я ухватила край простыни и натянула на себя с головой. Пусть думает, что сплю. Незнакомый остановился у моей камеры. Лязгнул замок, дверь отворилась. – Алиса Александровна? – спросил мужской голос. – Вставай, пошли со мной.

Я поднялась с кровати и поплелась за мужчиной. Мы прошли коридор и, за его дверь обнаружился просторный зал, в котором я еще ни разу не была.

Мы прошли помещение и остановились перед дверью. Я уловила дуновение ветра, значит, где-то недалеко есть выход, первый раз я искала его совсем в другой стороне здания. Меня запустили в комнату и велели присесть, но постараться ничего не трогать руками.

Я как школьница сидела, сложив руки на коленях, и осматривала незнакомое помещение. Оно очень напоминало офис. Книжки на стеллажах, картины в рамках на стенах, только

установленная в углу дыба и закрепленная на потолке большая клетка портили представление. Для каких целей предназначались эти не вписывающиеся в интерьер предметы, я даже думать не хотела.

– Здравствуйте, Алиса Александровна. Я доктор. Можешь называть меня Станиславом Евгеньевичем, – вывел меня из задумчивости прозвучавший голос.

Он напугал меня, сердце забилось чаще. Доктор разместился за массивным столом и, подперев рукой голову, пристально посмотрел на меня, как бы изучая. Я проглотила собравшийся в горле ком. Что хочет он услышать, зачем меня привели к нему?

– Из Москвы? – спросил Станислав Евгеньевич.

Я растерялась, что делать, не знала как реагировать.

– В этом месте можете свободно общаться со мной, – улыбнулся на мою панику доктор. У меня вырвался вздох облегчения.

– Я оказываю помощь нуждающимся в поддержке посетительницам.

– Посетительницам? – переспросила я.

– Да, мне так удобнее называть гостей нашего пансионата, – ответил Станислав Евгеньевич и зачем-то нервно потрогал бакенбард на щеке. Словно убеждаясь, что он еще держится, не отвалился.

Посетительницы, надо же такое придумать, скорее бесправные узники.

– Мы изучаем сексуальную природу женской полноты, делаем наблюдения и ведем записи поведения, – продолжил доктор.

– Ага! – съязвила я, подавляя нарастающее возмущение и чувствуя, как загораются щеки.

– Это же просто! Вы сотрудничаете с нами, мы обеспечиваем вам комфортное пребывание в стенах нашего пансионата. Не будет никаких трудностей.

– Трудностей, говорите?! Да меня жестоко и многократно изнасиловали группой мужиком и различными предметами! Били, заставляли унижаться, мучили. Это по вашему трудности пребывания? – я поднялась со своего места и нависла над столом врача, при этом сбив грудью стакан с шариковыми ручками и дебильной надписью «У кого сиськи, тот и прав!»

– Вернитесь на место, Алиса Александровна! Право говорить не дает права на вседозволенность! Еще хотя бы одна выходка с вашей стороны и я прекращу нашу встречу.

Я плюхнулась обратно на стул и зажала ладони между ног.

– Наш научно-исследовательский пансионат создан для изучения поведения женщин с повышенной массой тела. Наблюдение ведется по биохимическим, физическим, эмоциональным, неврологическим и другим параметрам, исследуется реакция на изменение показателей. Вам подключат несколько датчиков и проведут замеры чувствительности, реакции и еще некоторых параметров. Все абсолютно безвредно для вашего молодого организма. Изнасилования, как вы их обозвали, тоже часть программы исследований. Все это делается в интересах людей. Так что вы участвуете в великой гуманитарной миссии. И нас совершенно не волнует, как вы все это переживете и выживите ли в конечном итоге. Большинство восстанавливаются и живут спокойно и счастливо в свое удовольствие.

– Вы сами верите в то, что тут несете? – моему возмущению не было предела, меня просто трясло от злости. – Как можно после такого спокойно жить?

Мой собеседник кашлянул, прочищая горло.

– Я ожидал от вас более позитивной реакции. Ошибся. Вы не умеете работать в команде, и вам совершенно неинтересна эта увлекательная тема.

Я разинула рот от неожиданности.

– Что вы мне хотели предложить, – наконец смогла произнести, буравя Станислава Евгеньевича взглядом.

– Ну, например, заняться подбором и приглашением посетительниц. Как ваша подруга Марго. Или подобрать еще какую-нибудь работу.

Нет. Вот так просто мне предлагает работу этот незнакомый тип. Взять и согласиться. Тогда я смогу выйти из этого здания.

– Да, я согласна, – и закивала головой, чтобы не возникло сомнений в моих словах.

– Не так быстро, уважаемая, не так быстро. Сначала нужно завершить курс лечения.

Потом будет видно.

– Но я не больна!

– Ошибаетесь, ой как ошибаетесь.

– И как долго продлится это лечение?

– Вы самостоятельно решите, что пришло время, – он вернулся за стол. – Я предлагаю вам обмен за более деятельное участие в научной деятельности.

– Что я должна сделать?

– Ничего делать специально не нужно. Просто вы станете стройняшкой, когда покинете наш пансионат.

– И все? Пройти через ад, посидеть на вашей долбанной диете и все?! Вы хоть слышите себя?

Станислав Евгеньевич удобнее устроился в кресле и внимательно посмотрел на меня.

– Я повторяю. Вы выйдете отсюда, только похудев, точка. И никак иначе. Похудеть – это единственный способ выйти отсюда живой и почти невредимой. Посетительницы специально подбираются с избыточным весом, но слишком полные нам не годятся. Они не в состоянии расстаться с привычкой набивать пузо, а вот только поднабравшие лишние килограммы, с готовностью с ними распрощаются. Ну, это так, не вдаваясь в тонкости.

– Вы, недоумки! А представить, что немного лишнего тела может попросту нравиться, доставлять женщине удовольствие, трудно? Да хотя бы напрячь свои ученые извилины и выяснить, что изнасилование вредит гораздо больше, чем лишний вес, тем более групповое и совершенное многократно. Вы тут все сумасшедшие!

– Нет! Не сумасшедшие и нет, не делали таких исследований. И вас это не должно тревожить. Алиса, мы изучали каждую посетительницу, прежде чем принять ее в наше лечебное заведение. Вас тоже полностью исследовали. Вас не устраивал ваш образ жизни. Мы это исправим. Вы станете эффектной стройной дамой.

Я лихорадочно стала соображать, когда меня успели изучить. Сюда я попала после недолгого знакомства с Маргаритой. Через нее не могли, черт возьми! Станислав Евгеньевич не оставил без внимания усиленную работу моего мозга.

– Марго встретила с вами не случайно. Мы подослали ее после предварительного анализа вашего характера.

Я обвела языком по сухим губам, стряхнула с глаз слезинки.

– Я полностью была счастлива и радовалась своей жизни. Я должна была участвовать в кулинарном конкурсе. Я была довольна собой. Отпустите меня домой. Пожалуйста.

– Помилуйте, вы дома, Алиса! Как вы этого не понимаете? В нашем центре прошли лечение не один десяток женщин. Все, ну почти все, остались довольны. Да другие все отдали бы за возможность похудеть. А насчет удовлетворенности излишним весом, я готов с вами аргументировано поспорить и убедить вас, что это заблуждение, но не сейчас.

– А остальные?

– Не понял. Каких остальных?

– Ну, тех, что были недовольны результатами исследований.

– А. эти, – доктор махнул рукой. – Не стоит на них тратить время, и не будем уходить от главной темы разговора. Вы довольны своим весом?

– Я не толстуха, – обиделась я на вопрос. – Меня на самом деле не удовлетворял мой вес, но и худышкой я выглядеть не хотела.

– Но некоторые излишества присутствуют. Вы этим недовольны. Я читал ваше досье. Вы можете сопротивляться, а лучше попытаться помочь нам, но результат будет получен рано или поздно. Наши посетительницы остаются очень довольны. А клиенты, работающие с нами и заинтересованные в результатах, получают наши отчеты.

– Какие клиенты?

– Корпоративные. Тут крутятся огромные деньги. Мы делаем отчеты об исследованиях во всех отраслях. Вот, например, недавно представили разработки о природе оргазмов. Под моим руководством. Но на сегодня достаточно. Вы получили общее представление о происходящем в пансионате, и надеюсь на благосклонность с вашей стороны и на более плодотворное взаимодействие. Очень был бы признателен, если дни пребывания в нашей клинике, принесли вам приятные воспоминания.

Вот изверг, надо так все перевернуть! Станислав Евгеньевич встал и проводил меня до дверей. Там меня дождался охранник, с которым я пришла сюда. Мы проследовали с ним до столовой, в которой уже было полно пленниц и их надзирателей.

Глава 7. Очередь на экзекуцию

За одним из столиков сидел Александр Анатольевич. Он остановил меня и указал на свободное место.

– Присаживайся, Алиса. Как прошел разговор?

Я села на предложенный стул, но еда не лезла в горло, аппетита не было, да и сама пища не способствовала его повышению.

– Что случилось? На тебе лица нет.

Ковыряя вилкой в тарелке с не аппетитной едой, я смотрела на Александра Анатольевича не решаясь отвечать на его вопрос, но, по всей видимости, он ждал ответ. Хорошо, он его получит.

– Ваша клиника, – не разжимая зубов, прошипела я, – Грязная клоака, свалка. Я теперь знаю, как не должно быть никогда.

Мужчина улыбался во время моей тирады и пялился на мою грудь четко просматривающуюся через мокрую маечку.

– Ты настоящая бунтарка и говоришь крамольные речи. Очень жаль, что ты так восприняла пребывание в нашем заведении. Не многим дамам я уделял внимание, только тем, кто действительно был интересен чем-то. Ты из числа таких женщин. Я могу как-то повлиять на твое мнение о нашем центре и изменить его в лучшую сторону?

– Нет! – пылая яростью, я прекратила дальнейший разговор.

– Все же, стоит попробовать, и я это сделаю, – Александр Анатольевич поднялся из-за стола и покинул столовую.

Я попробовала съесть кусочек белого хлеба, но еда не доставила мне никакого удовольствия.

– Нет. Я не изменю своего вердикта никогда, – произнесла я тихо, но услышали почти все окружавшие меня за завтраком женщины. И когда прием пищи закончился, в столовую вернулся Александр Анатольевич и подозвал меня.

– Пошли, – сказал он и ничего более не добавив, повернулся и зашагал по коридору. Я как могла, старалась не отставать от него.

Мы подошли к комнате без номера.

– Заходи, я на самом деле не хотел доводить до этого, – промолвил он и закрыл дверь с другой стороны.

Подошла охранница, кажется, ее зовут Зинаида, женщина в возрасте и атлетически сложенная. Она без лишних разговоров коротким ударом врезала мне под дых.

Я согнулась, не выдержав удар, и женщина, махнув дубинкой по бедру, свалила меня на мягкий пол. Она стала лупить меня крепкой отполированной в руках палкой по разным частям тела, но в основном по наиболее мягким. Я громко кричала, но, похоже, это только раззадорило ее. Моя задница горела как от огня.

Зина рывком раздвинула мне ноги и воткнула утолщенный конец дубины в вагину. Начала ожесточенно трахать меня, радостно выкрикивая матерные поговорки, и проникала с каждым толчком глубоко в матку.

Жуткая боль доводила меня до состояния близкого к потере сознания. Попытка выдернуть дубину из меня обернулась полным фиаско. Я получила мощный удар кулаком в скулу и наконец, полностью отключилась.

Я очнулась в своей камере. Перед глазами прыгал огонек от тусклой лампы, как прыгает фитилек свечи, перед тем как окончательно погаснуть. Странно, почему мне оставили освещение?

Ощутила холод через взмокшую от пота майку и запах исходящий от нее, противный запах немывтого тела. Скрипнула дверь и в помещение моего узилища вошел Александр Анатольевич, подошел к койке.

– Можно было избежать случившегося.

– Пошел к черту, урод! – огрызнулась я и закуталась в простыню.

– Ты неправильно общалась со Станиславом Евгеньевичем. Это его требование. Наказать тебя. А потом ты рассердила меня и попала в руки к Зине.

– Я сказала, иди в зад! – послала, и стало как-то легко на душе.

А что они мне могут сделать? Еще раз изнасиловать или избить? Пусть катятся со своими порядками и правилами.

– Отпустите меня. Просто отпустите домой и все, – умоляла я его. – Я не могу тут находиться. Другие могут, вот с ними и проводите свою научную работу, делайте опыты. Я просто не справляюсь.

– Далеко не все преодолевают трудности, у тебя, кстати, вполне неплохие результаты. Вот только с дисциплиной и послушанием есть чудовищные проблемы.

– И что? Вы думаете, что успокоили меня? А под вашу дудку я не плясала, и плясать не собираюсь! – выкрикнула я и отпросила покрывающую меня простыню в сторону.

Александр Анатольевич снова уставился на торчащий из-под майки сосок, как будто любопытный птенец выглядывает из гнезда.

– Ты нравишься мне такой, – сказал он, посмотрев мне в глаза, но на эти слова у меня была неожиданная и очень жесткая реакция.

– Так какого лешего вы из меня анорексичку пытаетесь сделать?!

– Я точно знаю твое желание и стараюсь исполнить его. Вот и все. Это подарок.

– Подарите мне свободу. Пожалуйста. Это все, чего я желаю больше всего.

– Это не в моих силах, – грустно вздохнул Александр Анатольевич. – Каких-то три-четыре месяца необходимо находиться тут. Может быть чуть больше, но это уже зависит от твоего желания и усердия.

– Какие три месяца? Вы в своем уме? Я хочу прекратить сотрудничество немедленно!

– Ну, это же на самом деле не так и долго как кажется. Нужно смириться, настроить себя на нужный лад и спокойно выдержать все испытания.

Меня вывел из себя его поучительный тон и то, что мои слова не доходили до него. Я разрыдалась.

– Успокойся! Приведи себя в порядок! Даю тебе еще одну попытку выйти отсюда живой. Считаю до трех. Хоть ты и не похожа на остальных гостей нашего центра и сильно мне нравишься, никаких поблажек не будет. Я не отступаю от установленных мною правил и не позволяю это делать никому. Итак, время пошло. Раз. Два. Три.

Александр Анатольевич взглянул на меня, продолжающую безутешно реветь белугой и вышел из моей кельи. Лязгнул замок на двери.

Я проснулась и не сразу поняла, где нахожусь. Свет в камере был выключен. Понять, что творится за ее пределами невозможно. Ночь там или день.

В абсолютной тишине еле слышно звучал фон повседневной жизни в этом проклятом центре. Потом он стал нарастать через решетку двери начал проникать свет. Из столовой возвращались узницы в свои темницы, переговаривались. Характерно проскрипел замок соседней камеры. Поднялась с койки и на карачках подползла к своей двери.

– Кто здесь?

– Меня зовут Катя.

– А меня Алиса.

– Я знаю. Куда тебя увел Александр Анатольевич?

– В комнату без номера. Там меня ждала Зинаида, тварь.

– Да, многие прошли через ее экзекуцию.

– После того, как она меня избила, я очнулась уже тут.

– У тебя все нормально?

– Не знаю, кажется да.

– Хорошо, я тогда пойду, прилягу. Они так драли меня вчетвером, что еле ноги передвигаю.

– Бедняжка. Держись. И отдохни, если сможешь.

Катя не ответила мне и немного посидев у входа я вернулась обратно на свою койку.

Проснулась я даже не от лязга своей двери, а от какого-то хруста в изголовье. У койки стояла доктор Чеснокова и вскрывала обертку бумажного пакета, рядом лежала открытая медицинская аптечка.

– Проснулась. Молодец. Снимай маечку, я посмотрю тебя, – заявила она, взяв в руку стеклянную баночку, наполненную чем-то вязким.

Я скинула единственную одежду и легла на спину для осмотра.

– Ага, правильно. Умничка, – проговорила врач и стала внимательно осматривать меня с головы до пальцев ног. – Ну, не критично. Обычно после наказания, полученного от Зинаиды, посетительниц приходится конкретно чинить.

Она помазала мои синяки и ссадины приятно пахнущей мазью из стеклянной посуды и велела перевернуться на живот. Прodelала ту же процедуру у меня сзади, осмотрела и помазала влагалище.

– Вот и все. Теперь ты как огурчик, в полном порядке. И перестань показывать норы. Делай, как и что тебе говорят, будь благоразумней.

Я немного полежала, привыкая к новым ощущениям в своем теле и признаться, была приятно удивлена эффективности удивительной мази. Потом нас повели в столовую и после приема пищи пожилой надсмотрщик, сверив запись в планшете, направил меня на новое задание.

– Комната девять. Да. Дерзай, девка! Прибыть нужно к десяти часам, так что у тебя осталось минут десять.

Не стала искушать судьбу, и быстро пошла в направлении указанном охранником.

– Нда... Удача тебе не будет лишней, – прогудел мне в спину мужчина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.